

УДК 343.22

А.Р. Пурге

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

О совершенствовании правового регулирования института завещания в России

Анализ института завещания как института, обеспечивающего изъявление и исполнение последней воли человека, является той необходимой данью уважения к собственности, которая приобретена и создана лицом за весь период его жизни. Объемный рост имущественной состоятельности российских граждан, усложнение существующих общественных отношений, правопреемство которых не сводится уже только к переходу имущества, должны влечь и усиление законодательного внимания к завещательным отношениям, к завещанию как проявлению последней воли. Предметом исследования стала совокупность гражданско-правовых отношений, возникающих по поводу наследования по завещанию. Проведен анализ теоретических вопросов развития института наследования по завещанию. Методология исследования основана на положениях философии (диалектический, системно-структурный методы), логики (методы анализа, синтеза) и теории познания (исторический, статистический методы исследования). Применялись также специально-научные положения теории права, гражданского, семейного права, сравнительного правоведения, иные общенаучные и специально-научные методы познания. Именно благодаря анализу завещательных отношений практики можно определить, насколько уважительно законодатель относится к гражданам, которые основательно подходят к вопросу распределения своего имущества после своей смерти.

Ключевые слова и словосочетания: завещание, закрытое завещание, посмертное донорство, собственноручно подписанное завещание, душеприказчик, доверительное управление, наследственный договор.

Пурге Анна Роландовна – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин; e-mail: a.purge@mail.ru

A. R. Purge

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

On improving the legal regulation of the Institute of wills in Russia

The analysis of the institution of the will as an institution that ensures the expression and execution of the last will of a person is a necessary tribute to the property that has been acquired and created by a person over the entire period of his life. The objective growth of the property solvency of Russian citizens, the complication of existing social relations, the succession of which is no longer limited to the transfer of property, should also lead to increased legislative attention to testamentary relations, to the will as a manifestation of the last will. The subject of the study was a set of civil law relations arising in relation to inheritance by will. The analysis of theoretical issues of the development of the Institute of inheritance by will. The research methodology is based on the principles of philosophy (dialectical, system-structural methods), logic (methods of analysis, synthesis) and the theory of knowledge (historical, statistical research methods). Special scientific provisions of the theory of law, civil law, family law, comparative law, and other General scientific and special scientific methods of cognition were also applied. It is through the analysis of testamentary relations of practice that it is possible to determine how much respect the legislator treats citizens who purposefully and thoroughly relate to the issue of distribution of their property after their death.

Keywords: will, closed will, posthumous donation, hand-signed will, executor, trust management, inheritance contract.

Актуальность темы исследования. В отличие от советского периода развития гражданского права, когда по наследству мог переходить лишь крайне узкий перечень имущества, а наследственные споры не выходили за рамки раздела коллекции или библиотеки, современный правопорядок не ограничивает ни состава, ни размера, ни стоимости имущества, которое может быть в собственности физических лиц и, соответственно, переходить по их завещательной воле. Такое положение потребовало существенной детализации и во многом качественного изменения норм советского наследственного права, что привело к созданию в части 3 ГК РФ раздела V «Наследственное право», состоявшего первоначально из пяти глав и 76 статей [1]. Такое расширение нормативного материала и накопление судебной практики применения уже требует научного анализа, что обуславливает актуальность предлагаемой работы. Однако недавние изменения, проведенные в наследственном праве, в том числе появление в 2018–2019 годах таких институтов, как совместное завещание супругов и наследственный договор, делают заявленную тему еще более актуальной. В настоящее время практически отсутствуют научные исследования этих институтов.

Кроме того, «как бы ни были совершенны нормы о наследовании по закону, законодатель не может предусмотреть или заранее оценить все возможные завещательные распоряжения. Он и не должен этого делать» [9, с. 3], так как

смысл современного института завещания состоит в предоставлении завещателю максимально возможной свободы распоряжения своим имуществом на случай смерти. Следовательно, задача предусмотреть и оценить возможные завещательные распоряжения, провести анализ правового режима того или иного распоряжения, той или иной типичной правовой ситуации, возникающей при составлении завещания, возложена на цивилистическую науку.

Постановка проблемы исследования. Проблема состоит в том, что декларируемая свобода завещания обуславливает появление завещаний, толкование и исполнение которых вызывает реальные проблемы, в том числе – противоречия в судебной практике. Более того, в судебной практике нарушение требований к порядку составления или содержанию завещания нередко приводит к признанию его недействительным, что, безусловно, искажает последнюю волю наследодателя. Между тем, признание завещания недействительным не может не рассматриваться в качестве крайней и даже исключительной (исключительно нежелательной) меры разрешения проблемной правовой ситуации, вызванной сложностями толкования завещания, поскольку делает невозможным выражение обществом необходимого уважения к последней воле наследодателя. Как справедливо отметил В.М. Марухно, толкование последней воли наследодателя, в отличие от толкования иных сделок, не может не быть подчинено особым требованиям [4, с. 4], также не изученным современной наукой в полной мере. Наконец, нельзя не признать, что современный институт наследования по завещанию уже сейчас не в полной мере адекватен современным научно-технологическим реалиям, в частности, он оставляет без учета возможности посмертного донорства человеческих органов.

Цели и задачи исследования. Цель исследования – проведение анализа правового регулирования института завещания в Российской Федерации. Задачи исследования – анализ понятия и содержания завещания, выявление проблем правового регулирования института завещания в Российской Федерации.

Методология. Методология исследования основана на положениях философии (диалектический, системно-структурный методы), логики (методы анализа, синтеза) и теории познания (исторический, статистический методы исследования).

Предмет исследования, источниковая база исследования, противоречия в имеющихся исследованиях и авторская позиция. Предметом исследования стала совокупность гражданско-правовых отношений, возникающих по поводу наследования по завещанию в Российской Федерации. Выбранная тема исследования в достаточной мере представлена в российской научной литературе, однако анализируемые автором положения о возможном содержании завещания недостаточно изучены в научной литературе. Заявленной теме исследования посвящены труды авторов М. А. Алексеевой [3], А. А. Васильевой [4], А. Н. Гусева [5], В. М. Мамукова [8] и других.

Основная часть. Несмотря на достаточно устоявшийся характер понятия завещания, российское гражданское законодательство не дает его определения, поэтому в российской цивилистике сложились две основных точки зрения на завещание – сделка и документ. Первая отражает в большей мере англо-

американский подход, по смыслу которого завещание есть, прежде всего, «an act» (action) – действие в правовой сфере, независимое от формы его выражения [5, с. 253–254], вторая – романо-германский, по смыслу которого завещание является, прежде всего, нотариально заверенным документом, содержащим волеизъявление о распоряжении имуществом на случай смерти. Некоторые авторы называют эти определения «теоретико-правовым» (завещание – акт волеизъявления наследодателя) и «практическим» (завещание – документ) [10, с. 65], однако представляется, что оба определения являются правовыми и оба имеют практическое значение.

По мнению Б.Б. Черпахина, завещание представляет собой односторонне-управомочивающую, распорядительную и не нуждающуюся в восприятии других сделку [12, с. 28]. Тем не менее, такое определение влечет дополнительные сложности, связанные с дискуссионностью квалификации в российском праве распорядительных сделок (принятых большей частью в немецком, а не российском праве). Кроме того, свобода завещания приводит к тому, что оно не всегда может представлять собой управомочие: допустимо предположить, что завещание, напротив, может содержать исключение того или иного наследника из состава наследников.

Согласно другой интерпретации завещание – «личное распоряжение гражданина на случай смерти по поводу принадлежащего ему имущества, с назначением наследников, сделанное в предусмотренной законом форме» [7, с. 117].

По мнению Е. В. Кулагиной, завещание – личное распоряжение гражданина на случай смерти по поводу имущества, которое ему принадлежит, выполненное в предусмотренной законом форме [2, с. 639]. Как видно, в данном случае выдержаны все требования к определению понятия завещания, что делает его, возможно, лучшим из существующих определений: в нем подчеркнут личный характер завещательной сделки, указано, что распоряжение делается на случай смерти, специально отмечено значение предусмотренной законом формы (что приближает его к континентальному определению понятия завещания). Однако именно такое определение показывает и недостаточность существующего научного подхода к завещанию: в качестве предмета завещательной сделки в нем закреплено лишь имущество.

Между тем, по смыслу п. 6 ст. 47 ФЗ от 21.11.2011 г. №323-ФЗ [3] дееспособный совершеннолетний может устно при свидетелях или в иной форме выразить согласие на посмертную трансплантацию.

С одной стороны, такое волеизъявление не является ничем иным, как личной односторонней сделкой – распоряжением своим телом на случай смерти, а значит, вполне подпадает под понятие завещания. С другой стороны, доктринальное понятие завещания, приведенное выше, исключает возможность распоряжения на случай смерти какими-либо иными благами, кроме имущества, к которому человеческое тело не относится.

Таким образом, в законодательстве в настоящее время существует институт (ст. 47 ФЗ от 21.11.2011 г. №323-ФЗ), сходный по своей правовой природе с завещанием, но по цивилистическим определениям завещания не относящийся к нему. Такое положение может быть разрешено лишь двумя способами: 1) ввести в наследственное право самостоятельный институт согласия (несогласия) на

изъятие органов и тканей, отделив его от института завещания, которое совершается только по поводу имущества; 2) изменить определение понятия завещания, сузив его содержание (набор признаков) и расширив тем самым его объем. Однако введение в наследственное право самостоятельного института согласия (несогласия) на изъятие органов и тканей, отличного от института завещания, противоречило бы одному из важнейших принципов наследственного права – требованию универсальности наследственного правопреемства (единого и полного перехода всех прав и обязанностей наследодателя к наследникам). Таким образом, с точки зрения универсальности наследственного правопреемства наиболее целесообразным было бы рассматривать согласие (несогласие) наследодателя на изъятие у него органов и тканей не как самостоятельную сделку, а как одно из условий единой завещательной сделки.

Таким образом, для исключения научных разногласий по поводу понятия и содержания завещания, для обеспечения единства судебной практики целесообразным представляется включить в ГК РФ следующее определение завещания: личное распоряжение физического лица на случай смерти по поводу юридической судьбы принадлежащих ему имущества, интеллектуальной собственности и иных способных к правопреемству объектов гражданских прав, совершенное в предусмотренной законом форме.

С точки зрения универсальности наследственного правопреемства наиболее целесообразным было бы рассматривать согласие (несогласие) наследодателя на изъятие у него органов и тканей не как самостоятельную сделку, а как одно из условий единой завещательной сделки.

Согласно ч. 3. ст. 1119 ГК РФ завещатель не обязан сообщать кому-либо о содержании, совершении, об изменении или отмене завещания. Данное положение, хотя и находится по каким-то причинам в статье о свободе завещания, на самом деле, характеризует право завещателя на неразглашение кому бы то ни было тайны завещания. Поэтому представляется, что часть вторую статьи 1119 ГК РФ следует из данной статьи изъять, перенеся ее в качестве части четвертой статьи 1123 ГК РФ.

Анализ формы и порядка совершения завещания приводит к выводу о том, что необходимо создание единого регламента по удостоверению завещаний всеми должностными лицами, уполномоченными на такое удостоверение. В этом случае не только будет устранена известная правовая неопределенность по совершению завещаний и их удостоверению, но и в лучшей мере защищены права завещателей. Действительно, существующая нотариальная (и судебная) практика показывает определенное число споров, связанных с неправильным удостоверением завещания должностными лицами, которых можно было бы избежать при наличии соответствующего регламента. Особенно ценным подобный регламент был бы в настоящее время – в условиях реформирования гражданского законодательства (в частности, вступления с 1 сентября 2018 г. в юридическую силу многих норм наследственного права).

Исследование позволяет прийти к выводу, что завещание характеризуется не только принципом свободы и принципом тайны, но и целой системой норм,

охраняющих подлинно свободное формирование воли завещателя во всех возможных жизненных ситуациях, когда, с одной стороны, он пришел к необходимости составить завещание, а с другой – недоступен нотариус – фактически единственное должностное лицо, способное по стандартной процедуре и с соблюдением всех условий его совершения удостоверить его. Формированием общего правила об удостоверении завещания нотариусом и системы исключений из этого общего правила законодатель, фактически, пытается найти и создать определенный баланс между свободой завещания и требованиями по охране воли завещателя. Однако представляется, что эту систему исключений можно было бы сократить в пользу общего правила о нотариусе как центральном субъекте института удостоверения завещаний и в пользу наиболее строгого нотариального порядка их удостоверения. В частности, нельзя понять правило об удостоверении завещания начальником места лишения свободы, поскольку в каждом населенном пункте, где располагаются такие колонии, предполагается нахождение нотариуса. Нельзя понять и столь широкую, как это установлено в ГК РФ, допустимость удостоверения завещаний врачами, если ничто не мешает лицу пригласить для этого удостоверения нотариуса. Кроме того, вызывают сомнения положения об удостоверении завещания начальником экспедиции (зимовки и т.п.). Проблема состоит и в том, что именно эти категории завещаний (особенно в части удостоверения их врачами) становятся наиболее частыми объектами судебного оспаривания. Именно по поводу их содержания, свободы формирования воли и процедур совершения судебные споры наиболее длительны и сложны – и это в условиях, когда необходимо скорейшим образом определить статус наследников, принять наследственную массу, распределить ее между наследниками и вступить в управление унаследованным имуществом для устранения правовой неопределенности, неизбежно существующей при универсальном правопреемстве. Представляется возможным исключить из законодательства положения о праве начальников мест лишения свободы и врачей удостоверить завещания или, во всяком случае, ограничить эти права более строгими условиями, связанными с невозможностью участия в совершении завещания нотариуса.

Значимая проблема обнаруживается и в толковании завещания: анализ законодательства показывает, что законодатель создает три уровня понимания завещательного текста: 1) буквальный, 2) систематический, 3) толкование смысла завещания в целом. Во всяком случае целью такого толкования должно быть выявление действительной воли завещателя и ее надлежащее осуществление (воплощение в жизнь).

Согласно ч. 2 ст. 1126 ГК РФ закрытое завещание должно быть собственноручно написано и подписано завещателем. В этой связи нельзя признать правильным утверждение о том, что завещатель может воспользоваться при этом пишущей машинкой или ЭВМ. По мнению А.Н. Гueva, «правила п. 2 ст. 1126 этому не препятствуют» [11, с. 82]. Однако если мы зададимся вопросом о том, зачем вообще тогда законодатель включил в текст ГК РФ правило ч. 2 ст. 1126 (ведь общее для завещаний правило – ч. 1 ст. 1125 уже существует), то приходим к выводу, что положения п. 2 ст. 1126 следует оценивать как *lex specialis* по отно-

шению к *lex generalis* (ч. 1 ст. 1125 ГК РФ). Если общая норма (ст. 1125 ГК РФ) допускает исполнение завещания на компьютере, пишущей машинке и т.п., то специальная (ст. 1126) – намеренно не указывает подобной возможности.

Вопросы может вызвать и термин «собственноручно». Думается, что данный термин – лишь дань традиции [8, с. 70], так как нельзя исключать и возможности написания завещания ногой (при отсутствии у завещателя рук) или держа ручку во рту. Представляется, что написание и подписание завещания возможно завещателем не только своей рукой, но и любой иной частью тела: главное условие – оно должно быть выполнено лично. Это же касается и завещания, выполненного на языке слепых.

В отношении закрытого завещания целесообразной была бы замена в ч. 2 ст. 1126 ГК РФ термина «собственноручно» на термин «лично», который предоставляет завещателю больше свободы в составлении закрытого завещания, не нарушая принципа его личного (непосредственного) совершения (написания и подписания).

Следует также более внимательно рассмотреть предложения о том, чтобы допустить закрытые завещания в виде их записи на пленку (аудио- или видео-), которая затем кладется в пакет, печатывается и сдается нотариусу. В то же время наряду с аудио- или видеозаписью завещания целесообразно рассмотреть возможности цифровой фиксации завещания, создаваемой, например, с использованием электронной цифровой подписи: современные технологии предоставляют для этого все условия.

Оценивая обстоятельства, способные привести к признанию завещания недействительным, следует учитывать ориентиры в отношении ничтожности и оспоримости завещания, данные Верховным Судом РФ. В то же время необходимо исходить из того, что суд оценивает все обстоятельства дела в их совокупности, а, следовательно, по различным делам схожие нарушения могут оказаться сами по себе как достаточными, так и недостаточными для признания завещания недействительным. Главным ориентиром оценки порядка совершения и удостоверения завещания, а также толкования его содержания должно стать всемерное уважение к последней воле завещателя, что делает признание завещания недействительным исключительной, крайней мерой.

Согласно ст. 1136 ГК РФ исполнитель завещания имеет право на возмещение за счет наследства необходимых расходов, связанных с исполнением завещания, а также на получение сверх расходов вознаграждения за счет наследства, если это предусмотрено завещанием. Специалисты отмечают, что ранее ГК РСФСР требовал полной безвозмездности услуг душеприказчика, что создавало риски неисполнения завещания [6, с. 22]. Однако и в настоящее время исполнимость завещания остается неоднозначной, так как требует от наследников компенсации «необходимых» расходов, а что следует признать таковыми, ГК РФ не разъясняет, оставляя данный термин в числе оценочных. В свою очередь, данное положение разрушает правило правовой определенности.

Выводы. Итак, по аналогии с правовым режимом доверительного управления необходимо дополнить ст. 1136 ГК РФ положением об обязательном возна-

гражданин душеприказчика, не относящегося к числу наследников по завещанию. В этом случае ст. 1136 ГК РФ могла бы быть дополнена частью второй в следующей редакции: «Исполнитель завещания, не относящийся к числу наследников по завещанию, имеет право на вознаграждение, предусмотренное завещанием или соглашением наследников». Данное положение позволило бы в значительно большей мере осуществить волю завещателя, уважение к которой должно быть приоритетным для правового регулирования всех наследственных отношений.

Пункт 12 ст. 1140.1 ГК РФ закрепляет право наследодателя распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению (своей волей и в своем интересе), т.е. как собственник, на его полных правах. Таким образом, наследственный договор никак не ограничивает и не «исчерпывает» права наследодателя в отношении принадлежащего ему имущества. Более того, даже отдельное и специальное соглашение о каком-либо ограничении прав наследодателя на имущество, ставшее предметом наследственного договора, законодатель рассматривает как ничтожное. С одной стороны, такое правило подтверждает природную связь наследственного договора с завещанием (что и позволило поставить этот институт именно в гл. 62 ГК РФ о завещаниях), да и саму завещательно-наследственную природу данного договора. С другой стороны, ничем не ограниченное право наследодателя распорядиться имуществом, ставшим предметом наследственного договора, делает невозможной какую-либо защиту интересов второй стороны этого договора от недобросовестных действий наследодателя. Фактически, в наследственном договоре мы имеем ситуацию, когда одна из сторон, добросовестно исполнившая свои обязанности, может вообще не получить встречного предоставления.

Более того, фактический отказ наследодателя от договора, осуществленный подобными действиями, не влечет права второй стороны наследственного договора на возмещение убытков, причиненных этими действиями наследодателя (в отличие от аналогичной ситуации юридического отказа от договора, закрепленной в п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ).

Для исправления такого положения ничто не мешает ограничить для наследодателя распоряжение хотя бы недвижимым имуществом, если оно стало предметом наследственного договора. Для этого достаточно ввести обязательность государственной регистрации обременений недвижимого имущества, составляющего предмет наследственного договора. Однако установление такого правила требует признания концепции исчерпания прав, что может быть устранено лишь отказом от абсолютной свободы завещания, точнее абсолютной свободы воли завещателя по наследственному договору, в пользу обязательств, возникающих из наследственного договора. Пока же интересы второй стороны по наследственному договору, даже добросовестно исполнившей свои обязанности перед наследодателем, остаются фактически без защиты.

---

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 03.08.2019). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.08.2019).

2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 29.05.2019 г. № 119-ФЗ). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 20.08.2019).
3. Алексеева М. А. Сравнительный анализ наследования по завещанию в странах континентального и общего права // Право и права человека: сборник научных трудов молодых ученых. – Москва: Книгодел, 2017. – С. 253–258.
4. Васильева А. А. Понятие завещания // Государство и право в условиях гражданского общества. – Уфа: Аэтерна, 2017. – С. 64–66.
5. Гуев А. Н. Постатейный комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации. – Москва: ИНФРА-М, 2002. – 448 с.
6. Кириллова Е. А. Институт исполнителя завещания и полномочия душеприказчика // Наследственное право. – 2015. – № 1. – С. 21–24.
7. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате / рук. авт. кол. В. Н. Аргунов. – Москва: СПАРК, 2005. – 483 с.
8. Мамуков Р. М. Содержание завещания: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2011. – 177 с.
9. Марухно В. М. Недействительность завещания: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2011. – 209 с.
10. Поволоцкая Е. Р. К вопросу о закрытых завещаниях по законодательству России // НаукаПарк. – 2017. – № 3. – С. 69–73.
11. Российское гражданское право: в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / под ред. Е. А. Суханова. – Москва: Статут, 2016. – 960 с.
12. Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву / науч. ред. С. С. Алексеев. – Москва: Статут, 2001. – 479 с.

Транслитерация

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 30 noyabrya 1994 g. №51-FZ (red. ot 03.08.2019). – Tekst: elektronnyj // SPS «Konsul'tantPlyus»: [sajt]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (data obrashcheniya: 20.08.2019).
2. Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 21 noyabrya 2011 g. № 323-FZ (v red. ot 29.05.2019 g. № 119-FZ). – Tekst: elektronnyj // SPS «Konsul'tantPlyus»: [sajt]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (data obrashcheniya: 20.08.2019).
3. Alekseeva M. A. Sravnitel'nyj analiz nasledovaniya po zaveshchaniyu v stranah kontinental'nogo i obshchego prava // Pravo i prava cheloveka: sbornik nauchnyh trudov molodyh uchenykh. – Moskva: Knigodel, 2017. – S. 253–258.
4. Vasil'eva A. A. Ponyatie zaveshchaniya // Gosudarstvo i pravo v usloviyah grazhdanskogo obshchestva. – Ufa: Aeterna, 2017. – S. 64–66.
5. Guev A. N. Postatejnyj kommentarij k chasti tret'ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii. – Moskva: INFRA-M, 2002. – 448 s.
6. Kirillova E. A. Institut ispolnitelya zaveshchaniya i polnomochiya dusheprikazchika // Nasledstvennoe pravo. – 2015. – № 1. – S. 21–24.
7. Kommentarij k Osnovam zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o notariate / ruk. avt. kol. V. N. Argunov. – Moskva: SPARK, 2005. – 483 s.
8. Mamukov R. M. Soderzhanie zaveshchaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2011. – 177 s.

9. Maruhno V. M. Nedejstvitel'nost' zaveshchaniya: dis. ... kand. jurid. nauk. – Krasnodar, 2011. – 209 s.
10. Povolockaya E. R. K voprosu o zakrytyh zaveshchaniyah po zakonodatel'stvu Rossii // NaukaPark. – 2017. – № 3. – S. 69–73.
11. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: v 2 t. T. 1: Obshchaya chast'. Veshchnoe pravo. Nasledstven-noe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushchestvennyye prava / pod red. E. A. Suhanova. – Moskva: Statut, 2016. – 960 s.
12. Cherepahin B. B. Trudy po grazhdanskomu pravu / nauch. red. S. S. Alekseev. – Moskva: Statut, 2001. – 479 s.

© А.Р. Пурге, 2020

Для цитирования: Пурге А. Р. О совершенствовании правового регулирования института завещания в России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 3. – С. 66–75.

For citation: Purge A. R. On improving the legal regulation of the Institute of wills in Russia, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 3, pp. 66–75.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-3/066-075

Дата поступления: 02.05.2020.